

УДК 332.3(571.54)(09)

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-62-70

Татьяна Ефремовна Санжиева,
Бурятский государственный университет
(г. Улан-Удэ, Россия),
e-mail: sanj_te@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2193-094X>

Проблема землевладения и землепользования забайкальских бурят и её решение национальными органами управления

Статья посвящена проблеме землевладения и землепользования бурятским населением в Забайкальской области в начале XX в. до образования БМАССР, ставшей основной в самосохранении этноса. Если национальное движение и борьба за автономию хорошо изучены в историографии, то урегулирование земельных отношений – главный мотив активизации национального движения и требования автономии исследованы недостаточно. Основу статьи составили опубликованные и неопубликованные материалы Бурятского национального комитета (Бурнацкома), Дальневосточной республики и Бурят-Монгольской автономной области. Автор использовал микроисторический подход, а также исторический, нарративный и сравнительный методы, которые позволили исследовать исторические события 1900–1923 гг. в области земельных отношений в Забайкалье на историческом фоне, происходящих в стране событий, в тесной связи с изменениями политических условий и формированием административно-государственных структур. Считалось, что у бурят больше земли, поэтому в начале XX в. по земельной реформе возросло изъятие в «государственный колонизационный фонд» для расселения переселенцев, в революционный период участился самовольный захват русскими крестьянами земли бурят. Царское правительство сокращало земельные угодья бурят с целью их перехода на сельскохозяйственное хозяйство, несмотря на неэффективность его распространения. Большим неудобством для землепользования было искусственно созданное чересполосное распределение земли между бурятским и русским населением. Проблемы землевладения и землепользования стали одним из побудительных мотивов национального движения и формирования его органа управления – Бурнацкома, основной задачей которого стало установление национальной автономии, в рамках которой должны быть решены земельные проблемы. Бурнацкому удалось создать аймачное управление, которое смогло просуществовать в период Временного правительства, и в годы Гражданской войны. С образованием Бурят-Монгольской автономной области (БМАО) в составе Дальневосточной республики проблема землевладения и землепользования бурятским населением оставалась открытой в связи с продолжающимися захватами русскими крестьянами бурятских земель. Несмотря на новое законодательство ДВР и РСФСР земельный вопрос в БМАО не решился.

Ключевые слова: Забайкальская область, буряты, землепользование, землевладение, национальное движение, Бурнацком, Бурят-Монгольская автономная область

Tatyana E. Sanzhieva,
Buryat State University
(Ulan-Ude, Russia),
e-mail: sanj_te@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2193-094X>

Problems of Land Tenure and Land Use of the Trans-Baikal Buryats and its Solution by the National Authorities

The article is devoted to the problem of land tenure and land use by the Buryat population in the Trans-Baikal region at the beginning of the XX century, before the formation of the BMASSR, which became the main one in the self-preservation of the ethnoses. If the national movement and the struggle for autonomy have been well studied in historiography, the regulation of land relations is the main motive for activating the national movement and the demand for autonomy. The article is based on published and unpublished materials of the Burnatskom, the Far Eastern Republic and the Buryat-Mongolian Autonomous Region. The author used microhistorical approach, as well as historical, narrative and comparative methods, which made it possible to study the historical events of 1900–1923 in the field of land relations in Transbaikalia against the historical background of events taking place in the country, in close connection with changes in political conditions and the formation of administrative and state structures. It was believed that the Buryats had more land, therefore at the beginning of the 20th century. According to the land reform, the withdrawal to the “state colonization fund” for the resettlement of immigrants increased and the unauthorized seizure of the land of the Buryats by Russian peasants during the revolutionary period increased. The tsarist government reduced the land holdings

© Санжиева Т. Е., 2021

of the Buryats in order to switch them to agricultural economy, despite the ineffectiveness of its distribution. A great inconvenience for land use was the artificially created striped distribution of land between the Buryat and Russian populations. The problems of land tenure and land use became one of the incentives of the national movement and the formation of its governing body – the Buryat National Committee (Burnatskom), whose main task was the establishment of national autonomy, within which land problems must be resolved. Burnatskom managed to create an aimak administration, which was able to exist during the period of the Provisional Government, and during the years of the civil war. With the formation of the Buryat-Mongolian Autonomous Region as part of the Far Eastern Republic, the problem of land tenure and land use by the Buryat population remained open in connection with the continuing seizure of Buryat lands by Russian peasants. Despite the new legislation of the Far Eastern Republic and the RSFSR, the land issue in the BMAO was not resolved.

Keywords: Trans-Baikal region, Buryats, land use, land tenure, national movement, Burnatskom, Buryat-Mongolian Autonomous Region

Введение. В условиях доминирования аграрного сектора в хозяйстве России земля являлась основным богатством и ресурсом для её населения. Поэтому в Российской империи всегда остро стояла проблема землевладения и землепользования. К началу XX в. земельный вопрос для бурят в Забайкалье стал основным для национального существования народа. Основными источниками статьи являются опубликованные материалы и документы фонда Бурятского национального комитета (Ф. 438), хранящиеся в Государственном архиве Республики Бурятия [1; 2]¹.

История земельных отношений бурятского населения полна самовольными захватами и государственными изъятиями. Проблема землевладения и землепользования стала основной причиной активизации национального движения. Для защиты своих интересов был создан орган управления бурятами – Бурятский национальный комитет (Бурнацком), который поставил задачу автономизации территории, населенной бурятами. Им удалось сформировать аймачное управление, в юрисдикцию которого входило только бурятское население. Советское государственное строительство позволило бурятам получить автономию в виде Бурят-Монгольской автономной области в составе ДВР, в которую вошли Агинский, Баргузинский, Хоринский и Чикойский аймаки. Здесь следует обратить внимание на Чикойский аймак, поскольку исследователи Н. Д. Шулунов, А. А. Елаев указывают Селенгинский аймак. Такие же данные встречаем и в многотомном обобщающем издании «История Бурятии» [3–7]. В то время как в документах, современных существованию БМАО, назван Чикойский аймак.

¹ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). – Ф. 438; Бурят-Монгольская автономная область Д.В.: (Краткий обзор области в хозяйственном, административном и других отношениях к 1 июля 1923 г.). – Чита: Гос. тип., 1923. – 122 с.; Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. Документы и материалы. – Улан-Удэ: Сибирь, 1994. – 199 с.

Селенгинский аймак относился к Монголо-Бурятской автономной области в составе РСФСР. Межеванием границы между автообластями занималось командование 5-й армии, оно установило границу по реке Селенге. В статье указывается Чикойский аймак в соответствии с географическим названием на карте БМАО и в материалах того периода.

Земельный вопрос в условиях БМАО решался сложно. Несмотря на принятое законодательство, регулирующее земельные отношения, продолжались захваты русскими крестьянами земли бурят. Проблема землевладения и землепользования была решена с образованием Бурят-Монгольской АССР и завершилась с коллективизацией сельского хозяйства.

Методология и методы исследования. Проблемы землевладения и землепользования забайкальских бурят и пути её решения национальными органами управления – Бурнацкомом, Бурнардумой, Бурнарревкомом, Бурмонавтоупром недостаточно изучены. Исследования этого периода (1917–1923) посвящены главным образом борьбе бурят за автономию и национальному движению [3; 5; 8–13].

В данный период были поставлены следующие задачи автономии: урегулирование земельных отношений, в первую очередь ликвидация чересполосицы; возврат бурятам отчуждённой у них земли и прекращение самовольных захватов. Основой статьи послужили издания 1920–1922 гг., не введённые ранее в научный оборот, а также архивные материалы Бурнацкома. Изученные документы показывают объективную картину обстановки того момента в целом и в земельном вопросе в частности. Статья написана на основе микроисторического подхода, который позволяет сфокусировать внимание на локальных событиях с социальными связями и отношениями между людьми из народа [14]. В статье использованы исторический, нарративный

и сравнительный методы, которые позволили исследовать исторические события 1900–1923 гг. в области земельных отношений в Забайкалье на этапах зарождения и становления. Реконструкция более поздних событий позволила выявить причины и показать процесс возникновения проблемы. Сравнительный метод использован для исследования проблемы в ходе изменяющихся политических условий и административно-государственных структур.

Результаты исследования и их обсуждение. У бурят-кочевников не было частной собственности на землю, но было понятие «породная земля» – места кочевий родовых групп, что определяло многовековое традиционное землепользование. С XVII в. начался передел земельных пространств: буряты стали вытесняться со своих породных земель. Освобождённые земли предоставлялись русским крестьянам, которые их распахивали. Р. Дж. Гибсон отмечал, что это происходило для укрепления восточной периферии русским населением [15]. Концепция внешней политики сводилась к следующему: для укрепления границы пограничная полоса от р. Амур до Тунки была заселена казаками, буряты, жившие на этих землях, были переведены в казачье сословие; земли бурят-казачков перешли в земельный фонд казачьего сословия¹.

Наибольшее изъятие земли у бурят произошло в XIX – начале XX в. во время формирования «колониционного земельного фонда» [16]. Эти земли отводились в собственность Кабинета его императорского величества, монастырей и для размещения переселенцев из Европейской России. Бурятское землепользование здесь оказалось совершенно запутанным, окруженным многочисленными и малоземельными русскими волостями. Так, «в начале XIX в. д. с. с.² Лаба отыскал 105 тыс. дес. самой плодороднейшей в том крае земли» по р. Ингоде и её притокам. Одновременно изымалась земля по р. Джиде и в других районах. При этом отмечалось, что буряты «добровольно уступали все сенокосные места»³. В результате буряты-скотоводы были вынуждены арендовать сенокосы на

бывших своих угодьях, поскольку эти земельные участки пустовали. Иногда аренда покосов составляла 80 % всей используемой земли⁴. В аренду бралась также земля казаков, крестьян, дацанов, казны и Кабинета.

К концу столетия межевые работы были завершены только по рекам Онон, Онон-Борзя и Баргузин. Однако межевые материалы имели плановый характер, и буряты не получили юридические документы на землю. В результате «к концу XIX в. земли Забайкальской области распределились следующим образом: 12,2 % – крестьяне, 35,9 % – казаки, 45,7 % – буряты и 6,2 % – монастыри. Из 6 780 676 дес. земли, занятой бурятами, 15 739 дес. было передано дацанам и нойонам» [17, с. 119].

В начале XX в. с принятием закона «Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев Забайкальской области» (1900) началась земельная реформа. «На душу мужского пола скотоводу выделялись 30 дес. земли, а земледельцу – 15 дес. Поземельному устройству подверглись в первую очередь буряты, в пользовании которых были сравнительно большие территории земли. К ним относились Хубдутская, Хаоцаяская и Харганатская волости» [18, с. 218]. В результате межевания их земли значительно сократились.

С начала XX в. на территории хоринских и селенгинских бурят с русификаторской целью царское правительство силой вводило чересполосицу крестьянских и бурятских земель. Чересполосица возникла также вследствие самовольного захвата русскими крестьянами бурятской земли. В условиях чересполосицы сложно было вести хозяйство, поскольку 80 % бурятского населения занималось скотоводством, а русское крестьянство – земледелием [19, с. 54]. Не тронутыми чересполосицей оставались земли агинских и баргузинских бурят, поскольку на них были завершены землеустроительные работы.

С 1903 г. земельное переустройство активизировалось, в Забайкалье стали прибывать крестьяне из Европейской России. С притоком русских переселенцев захват инородческих земель принял головокружительные размеры [3, с. 103].

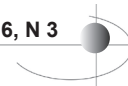
В ходе выделения земли в колониционный фонд буряты потеряли много земли. По подсчётам И. И. Серебренникова, буряты Иркутской губернии лишились половины своей земли. Точных данных по забайкаль-

⁴ Там же. – С. 7.

¹ Бурят-Монгольская автономная область Д. В.: (Краткий обзор области в хозяйственном, административном и других отношениях к 1 июля 1923 г.). – Чита: Гос. тип., 1923. – С. 6.

² Д. с. с. – действительный статский советник.

³ Бурят-Монгольская автономная область Д. В.: (Краткий обзор области в хозяйственном, административном и других отношениях к 1 июля 1923 г.). – Чита: Гос. тип., 1923. – С. 6–7.

ским бурятам нет из-за незавершённости землеустроительных работ в области [18, с. 225]. Изъятие земли тяжело отразилось на бурятском скотоводческом хозяйстве. За 20 лет (1897–1916) поголовье всего скота у бурят уменьшилось на 13 %, а за 25 лет (1897–1922) обеспеченность скотом бурятского хозяйства уменьшилось почти вдвое. В то время как в Забайкальской области поголовье скота увеличилось на 10 %¹. В 1987 г. на 100 чел. бурятского населения приходилось 1 040 голов скота, то в 1916 г. оно сократилось до 893 голов, в 1917 г. – до 885 голов. В 1916 г. Забайкалье занимало второе место после Семипалатинской области по количеству скота. На одно хозяйство в Забайкалье приходилась 31 голова скота, в Семипалатинской области – 32 головы². Здесь следует учитывать, что скотоводство для бурят было основой их хозяйственной деятельности, которая приходила в упадок из-за сокращения пастбищных и сенокосных угодий.

Ведение земледельческого хозяйства в местах расселения бурят было неэффективным, поэтому не развивалось. «Забайкалье – не земледельческая страна», – писал в 1918 г. Соколов в работе «Забайкальское хозяйство и рынок»³.

Трёхлетняя борьба с реформой обострили земельные отношения, которые доходили до открытых конфликтов. Причем земельные споры возникали не только между русскими и бурятами, но и внутри бурятских улусов и между улусами. Иногда возникали судебные тяжбы, как правило, в ходе разбирательств суд определял спорные участки как государственные пустопорожные земли [17, с. 121].

Решение земельного вопроса стало одним из побудительных мотивов формирования национального движения. Организованные выступления за свои права на землю среди бурят начались в годы первых революционных движений. В первой половине 1905 г. в области прошли четыре общих съезда; 26–30 апреля 1905 г. в Чите состоялся съезд бурят Забайкальской области. Несмотря на запреты губернатора на съезде были обсуждены вопросы управления, землевладения и культурного строительства. По земельному вопросу съезд

постановил: «1. Вновь рассмотреть именной указ императора Александра I, данный 29 июня 1806 года, коим повелено все земли, хоринским бурятам предоставленные, обмежевать и на всегдашнее владение выдать план и грамоту, дабы раз и навсегда определить кочевья бурят и прекратить споры между бурятами и остальным населением области и выяснить по всей справедливости, имеют ли хоринские буряты право полной собственности на все вообще земли, ныне ими фактические владеемые (“на три дачи”)» [17, с. 133].

Отказ губернатора Забайкальской области И. В. Холщевникова утверждать решение съезда, вызвал активизацию движения. Осенью 1905 г. агинские буряты захватили земли Кабинета [Там же, с. 123].

После Февральской революции решение земельного вопроса стало основным мотивом для формирования первого легитимного органа управления бурятами – Бурнацкома, который делился на Центральный бурятский национальный комитет и Иркутский отдел бурятского национального комитета. Лидеры национального движения бурят сформулировали следующие задачи: автономия для бурятского народа, установление демократической республики, разрешение аграрного вопроса – возврат отчуждённых земель, свобода обучения на родном языке, свобода вероисповедания.

Первый общепобурятский съезд в апреле 1917 г. принял ряд существенных решений: «1) выделить бурят в особые аймачные административно-хозяйственные единицы, применительно к территории прежних степных дум; 2) предоставить аймакам право распоряжения земельными угодьями на их территории...»⁴. Для распоряжения землями Бурнацком создал административно-территориальные единицы: аймаки – хошуны – булуки. В Забайкальской области было создано четыре аймака: Агинский, Баргузинский, Хоринский и Чикойский. Хотя они были разрозненны и не легитимны, тем не менее, аймачное управление стало формой самоуправления, в какой-то мере защищающей интересы бурятского землевладения. Тогда как обстановка в этом вопросе обострялась. В этой связи Бурнацком летом 1917 г. направил докладную записку в Областной комитет общественной безо-

¹ Бурят-Монгольская автономная область Д. В.: (Краткий обзор области в хозяйственном, административном и других отношениях к 1 июля 1923 г.). – Чита: Гос. тип., 1923. – С. 8.

² Там же. – С. 7.

³ Там же. – С. 18.

⁴ Бурят-Монгольская Автономная Социалистическая Советская республика (экономическое и статистическое исследование): отчёт Совету труда и обороны на 1 октября 1922 года. – Иркутск: Первая гос. тип., 1922. – 202 с. – С. 10.

пасности¹. Пытаясь избежать углубления конфликта, он пошёл на ряд существенных уступок крестьянам, которые не дали результата [19, с. 56]. Бурнацком настаивал на том, что бурятам должны вернуть земли, отчуждённые у них по земельной реформе 1901 г., переселенцам выделить другие земли. Бурнацком не мог преодолеть эту проблему, поэтому рассчитывал на решение Учредительного собрания; в ожидании собрания занял политику сдерживания ответных выступлений бурят [Там же, с. 57].

Представители Временного правительства в Забайкальской области решали земельный вопрос не в пользу бурят, поскольку они в основном состояли из членов социал-революционной партии и рассчитывали на русские голоса. Несмотря на то, что большинство членов Бурнацкома состояли в партии социал-революционеров, им импонировала программа эсеров. В ней выступали за предоставление национальной автономии малым народам [8, с. 88]. Исключение составлял бурят М. Н. Богданов, который был областным комиссаром Забайкальской области с 30 апреля по 2 июня 1917 г. [12, с. 105].

Вопрос о земле оставался открытым, поскольку Временное правительство не уделяло этому внимания, решения всебурятских съездов не поддерживало, настаивая только на национально-культурной автономии.

Смена власти внесла коррективы в земельный вопрос. 26 октября 1917 г. право частной собственности на землю в стране было отменено. Правительство ДВР использовало на своей территории земельное законодательство РСФСР. Все земли были переданы в государственный земельный фонд. Право непосредственного пользования землями предоставлялось на основании установленных законом «государственным учреждениям, городским поселениям и трудовым земледельцам и их объединениям. ...Земельные права трудовых земледельцев обоего пола, без различия их объединения, т. е. как отдельных дворов, так и земельных обществ определяются законами, а также уставами или приговорами земельных обществ и местными обычаями в случаях, когда они не противоречат закону. Земля предоставляется в бессрочное трудовое пользование»².

¹ Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. Документы и материалы. – Улан-Удэ: Сибирь, 1994. – С. 56.

² Бурят-Монгольская автономная область Д. В.: (Краткий обзор области в хозяйственном, администра-

Советская власть в январе-феврале 1918 г. ввела явочным порядком аймаки как административно-хозяйственные единицы. Остальные требования бурят были отложены, поскольку, как пишет М. Н. Ербанов: «...вся работа Соввласти носила в этой области лишь подготовительный характер»³. Бурнацком известил население, что все земли, принадлежащие дацанам, а также ламам, поступили согласно распоряжению Комитета в ведение аймачных земельных комитетов для предоставления в арендное пользование хошунам и сомонам, «а не частным лицам, впредь до решения вопроса о выделении территории Бурят-Монголии»⁴.

Решение судьбы государства возлагалось на Учредительное собрание. Однако земельному вопросу народов Сибири там не уделялось внимание. Делегатом от бурятского народа в Учредительное собрание был избран М. Н. Богданов. Им было отправлено письмо-отчёт в Читу в Бурнацком, в котором описаны происходившие с ним события [12, с. 113]. М. Н. Богданов пишет, что он записался в две комиссии – земельную и по национальному вопросу – и принял участие в обсуждении основных положений земельного закона⁵. Надежды демократических сил, Бурнацкома в том числе, на Учредительное собрание не оправдались.

В Протоколе заседания Бурнацкома от 18 ноября 1917 г. отмечалось, что земельный вопрос на окраинах приобрёл обострённый характер. К его решению необходимо подходить осторожно⁶. На последующих заседаниях принято решение о недопущении земельных захватов⁷.

Самовольные захваты усилились в дни установления советской власти, под видом социализации крестьяне отбирали землю у бурят. Так, «в Хоринском аймаке в 1918 г. было захвачено крестьянами и занято по постановлению различных земельных организаций до 17 тыс. дес. бурятской земли» [18, с. 223].

В условиях Гражданской войны Бурнацкому пришлось выстраивать отношения с новой властью, поскольку обстановка с землёй обострялась, но при этом позицию

тивном и других отношениях к 1 июля 1923 г.). – Чита: Гос. тип., 1923. – С. 18.

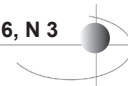
³ Там же. – С. 11.

⁴ Советская власть. – 1918. – № 24. – 16 июня.

⁵ ГАРБ. – Ф. 438. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 6–6 об.

⁶ Там же. – Д. 4. – Л. 94.

⁷ Там же. – Л. 95.

комитет не менял. Атаман Г. М. Семёнов пытался привлечь бурят на свою сторону, поэтому согласился с позицией Бурнацкова, сохранил аймачное управление, связываясь с ним как с официальной организацией. В 1918 г. атаман пресекал разбои и грабежи, сопутствующие военной обстановке. Впоследствии успехи Красной армии изменили позицию Г. М. Семёнова, потребовавшего перейти в казачье сословие всё бурятское население с переводом занятой ими земли в состав казачьего войска. Изменившаяся политическая ситуация расколола Бурнацкова: он пополнился новыми членами, лояльно относящимися к атаману Семёнову.

К концу 1919 г. Бурнардума, правопремница Бунацкова, утратила своё влияние, практически бездействовала, как следствие объявила о своём роспуске. Гибель А. В. Колчака, продвижение Восточного фронта в глубь Забайкалья привели к образованию 6 апреля 1920 г. Дальневосточной республики. Для управления бурятами требовался новый орган. На съезде представителей бурят Забайкалья, прошедшем 23 мая – 3 июня 1920 г., был создан Бурят-Монгольский народно-революционный комитет (Бурнарревком) как руководящий национальный орган [4, с. 41]. Однако он не обладал всей полнотой власти на территории бурятских аймаков [3, с. 135]. С первых дней существования новый орган, возглавляемый эсером П. Н. Дамбиновым, ставил вопрос о национальном самоопределении перед правительством республики. Правительство ДВР временно, до точного определения границ, передало в распоряжение бурятского земельного отдела надельные земли бурят, переселенческие участки, созданные на их землях, а также земли государственного фонда, находившиеся в пользовании бурят [5, с. 335–336].

На основании Конституции ДВР, принятой 27 апреля 1920 г., было создано новое государственное образование – «Бурят-Монгольская автономная область, границы которой определены законом» (ст. 116)¹. Правительство ДВР понимало серьёзность землеустройства бурятского населения, этому вопросу была посвящена ст. 117².

Следующим шагом Правительства ДВР стал Закон о земле, принятый Народным собранием ДВР 14 декабря 1921 г., ко-

торый должен был упорядочить земельные отношения и установить определённые формы землепользования. В ст. 1 записано, что всякая собственность на землю в пределах Дальневосточной республики отменяется навсегда (ст. 2). По Закону население само вправе выбирать форму землепользования: коллективную, групповую или единоличную. Закон о земле также сделал попытку решить проблему чересполосицы: земли как коллективного, так и единоличного пользования должны отводиться по возможности к одному месту, причём качество выделяемого участка не должно быть хуже земельных угодий остальных членов общества (ст. 29). Согласно ст. 44 действия Закона распространяются на всю территорию ДВР, включая БМАО [2, с. 1].

В Конституции ДВР отмечалось, что «Автономная Бурят-Монгольская область в пределах своей компетенции самоуправляется на основании общих законов Республики Областным собранием уполномоченных, которое избирает исполнительный орган – областное управление»³. Во главе автообласти встал новый орган управления – Бурят-Монгольское автономное управление – Бурмонавтоупр, который возглавил большевик М. И. Амагаев.

Однако для Бурят-Монгольской автономной области не были созданы условия для решения вопроса землепользования. Правительство ДВР не выделило финансовые средства для атообласти, «предоставив ей жить самостоятельно» [1, с. 30]. Обеспечить себя можно было только за счёт внутренних ресурсов, т. е. сборов налога. Отсутствие квалифицированных кадров, непонимание процесса создания новой государственности стали основными причинами сложности решения хозяйственных дел. Председатель Бурмонавтоупра М. И. Амагаев в отчёте на совещании председателей областного, уездного и городских управлений 6 августа 1922 г. сообщал: «Работа органов власти Хоринского аймака протекает очень плохо; на местах непонимание и игнорирование задач и целей вышестоящих органов и своих служебных и гражданских обязанностей» [Там же, с. 42]; «На местах полный развал, делопроизводство местных органов в хаотическом состоянии; в сомонах нет понятия о регистрации бумаг; отчётность ведётся на клочках, отрывочно», – написано в отчёте Чикойского аймака за первую половину ок-

¹ Основной закон (Конституция) Дальневосточной республики. – Чита: Гос. тип., 1921. – С. 26.

² Там же.

³ Там же.

тября 1921 г. [1, с. 43]. Неплохо было организовано дело в Агинском аймаке [Там же].

В тяжёлом положении оказались жители Чикойского аймака, поскольку их земли оказались по обе стороны границы между ДВР и РСФСР. Для пересечения границы требовалось специальное разрешение, которое не сразу давалось. Порой его получали после истечения хозяйственного сезона. «Общее впечатление от Чикойского аймака безотрадное. Такую картину представляет упадок сельского хозяйства. Гражданская война, земельные захваты, грабежи, недосев текущего года (1921 г. – Т. С.) разорили бурятское население... несомненно будет голод», – сообщается в отчёте [Там же].

В 1921 г. продолжались самовольные захваты бурятских земель русским населением. Инспекция Бурят-Монгольской Нармилии издала особый приказ о принятии мер к недопущению и прекращению захватов [Там же, с. 41].

Таким образом, земельный вопрос для бурят оставался открытым после образования Бурят-Монгольской автономной области в составе ДВР. Для решения земельных споров была создана Центральная земельная комиссия, в задачу которой также входила ликвидация чересполосицы. Как отмечал председатель Бурмонавтоупра М. И. Амагаев, «В Сибири возможно только смешанное хозяйство» [Там же, с. 30].

Заключение. История земельных отношений у бурятского народа полна государственных изъятий и самовольных захватов русскими крестьянами. Исторически сложилось, что буряты имели большую площадь земли по сравнению с другими группами населения: русскими крестьянами и казаками. Для ведения традиционной формы хозяйствования бурят Забайкалья – кочевого скотоводства – необходимы большие земельные пространства для выгула скота, не меньше требовалось сенокосных угодий. Любое сокращение земли для бурят представляло опасность для хозяйственной жизни, в конечном итоге для сохранения этноса со своими национально-культурными особенностями.

Политика царского правительства, направленная на укрепление восточных рубежей, строилась на переселении русского населения в Сибирь, в том числе в Забайкалье. Постепенно на территории Забайкалья появились русские деревни и казацкие станицы, размещавшиеся в местах, пригодных для хлебопашества земли. Буряты при

этом оттеснялись на другие земли. Земельные захваты бурятских земель русскими крестьянами были вызваны их относительным малоземельем.

В Забайкалье с начала XIX в. начались землеустроительные работы на землях, находящихся в пользовании бурят. Землеустройство тормозилось запутанными земельными отношениями, главным образом чересполосицей бурятских и русских земель. Земельная реформа 1900 г. привела к сокращению земельных участков и ещё больше усилила чересполосицу. Неравномерность распределения земли, запутанность земельных отношений вызывали крупные аграрные конфликты как между русскими и бурятами, так и внутри поселений. Эти обострения происходили главным образом в революционное время.

Переселенческая политика царского правительства не могла быть до конца реализована из-за отсутствия соответствующей инфраструктуры: путей сообщения, местной промышленности и городских центров. Многие участки, отведённые для переселенцев, не были заняты. Переселение было официально признано несостоятельным. Особенно это коснулось территорий, не обладавших пригодными для земледелия пространствами, к которым относилось Забайкалье. Земля в колониальный фонд изымалась из бурятских хозяйств как следствие русификаторской политики, поскольку считалось, что буряты лучше обеспечены землёй.

Аграрная политика царского правительства была ориентирована на традиционную русскую хозяйственную деятельность – земледелие. В ходе присоединения и хозяйственного освоения новых территорий аграрная политика оставалась неизменной, несмотря на неэффективность земледелия в некоторых природно-климатических и почвенных условиях. В результате аграрная политика царского правительства, не имевшая экономических оснований, привела к сокращению скотоводства, но при этом не позволила развивать устойчивое земледельческое хозяйство.

Экономически неэффективность распашки земли в местах распространения кочевого скотоводческого хозяйства подтверждалась в трудах экономистов XIX – начала XX в. Поскольку земледелие считалось русским национальным занятием, то его распространение на территории расселения бурят имело сугубо политические мотивы.

Государственные изъятия и самовольные захваты земли русскими крестьянами привели к тому, что в первой четверти XX в. проблемы землевладения и землепользования особенно остро встали перед бурятами. Сокращение земельного пространства для хозяйствования вело к исчезновению национально-культурных особенностей этноса. Земельный вопрос стал одним из основных в развернувшемся национальном движении.

Земельные отношения на территории расселения бурят, где возможно было заниматься хлебопашеством, были запутанными и сложными. В степных районах, например у агинских бурят, землеустройство было относительно упорядоченным.

Бурнацком был признан советской властью с момента её установления в феврале 1917 г. до её падения в августе 1918 г., а также Правительством Забайкальской области походного атамана Г. М. Семёнова.

Закон о земле, принятый Правительством ДВР, изъясил все земли из товарного оборота, запретив куплю-продажу и залог земли, но не смог упорядочить земельные отношения. Проблемы землевладения и землепользования бурятского народа по-прежнему требовали решения. Советская власть по-своему решила проблему землевладения и землепользования: не завершив земельную реформу, передала земли коллективным хозяйствам.

Список литературы

1. Вестник Дальневосточной республики. 1922. Сент.–окт. 93 с.
2. Вестник Министерства Внутренних Дел. 1922. № 3. 20 янв. 33 с.
3. Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации, 2000. 349 с.
4. История Бурятии: в 3 т. Т. 3. XX–XXI вв. / гл. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 461 с.
5. Шулунов Н. Д. Становление Советской национальной государственности в Бурятии (1919–1923 гг.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 492 с.
6. Buryats // Facts and Details. URL: http://factsanddetails.com/russia/Minorities/sub9_3e/entry-5123.html (дата обращения: 18.02.2021). Текст: электронный.
7. Chronology for Buryat in Russia. Текст: электронный // Refworld. URL: <https://www.refworld.org/docid/469f38d01a.html> (дата обращения: 18.02.2021).
8. Базаров Б. В., Жабаяева Л. Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2008. 376 с.
9. Бартанова А. А. Образование Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 132 с.
10. Елаев А. А. Бурятия: путь к автономии и государственности. М.: Антал, 1994. 176 с.
11. Национально-освободительное движение бурятского народа: тезисы и материалы докладов и сообщений. Улан-Удэ, 1989. 105 с.
12. Санжиева Т. Е. Михаил Николаевич Богданов: жизнь, отданная народу. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2019. 136 с.
13. Шагдурова И. Н. Очерки из развития общественно-политической мысли бурят в I четверти XX века. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1999. 121 с.
14. Sabean D. W. Reflections on Microhistory. Transnationale Geschichte: Themen, Tendenzen, Theorien. URL: <https://escholarship.org/uc/item/9ch0z6c7> (дата обращения: 18.02.2021). Текст: электронный.
15. Gibson R. J. The Rush to Meet the Sun: An Essay on Russian Eastward Expansion // Siberica: a Journal of North Pacific Studies. 1990. Vol. 1. P. 68–78.
16. Seton-Watson H. The Russian Empire: 1801–1917. Oxford: Clarendon Press, 1967. 814 p.
17. Хаптаев П. Т. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. Улан-Удэ: БурГиз, 1942. 200 с.
18. Серебрянников И. И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. Верхнеудинск: Бурят-Монгольское изд-во, 1925. Т. 1. 226 с.
19. Бабаков В. В. Национально-государственное строительство в Бурятии в 1917–1919 гг. Улан-Удэ: ВПО ВСГАКИ, 2012. 147 с.

Статья поступила в редакцию 25.03.2021; принята к публикации 05.05.2021

Сведения об авторе

Санжиева Татьяна Ефремовна, доктор исторических наук, профессор, Бурятский государственный университет; 672000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; e-mail: sanj_te@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2193-094X>.

Библиографическое описание статьи

Санжиева Т. Е. Проблема землевладения и землепользования забайкальских бурят и её решение национальными органами управления // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 62–70. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-62-70.

References

1. Bulletin of the Far Eastern Republic. September-October 1922. Chita: State Printing House, 1922. (In Rus.)
2. Bulletin of the Ministry of Internal Affairs, no. 3, January 20, 1922. (In Rus.)
3. Elaev, A. A. Buryat people: formation, development, self-determination. M: RAGS Publishing House, 2000. (In Rus.)
4. History of Buryatia: in 3 volumes, ed. by B. V. Bazarov. Ulan-Ude: Publishing House of the BNC SB RAS, 2011. Vol. 3: XX–XXI centuries. (In Rus.)
5. Shulunov, N. D. The formation of Soviet national statehood in Buryatia (1919–1923), Ulan-Ude: Buryat book publishing house, 1972. (In Rus.)
6. Buryats. Facts and Details. Web. 18.02.2021. http://factsanddetails.com/russia/Minorities/sub9_3e/entry-5123.html. (In Engl.)
7. Chronology for Buryat in Russia. Refworld. Web. 18.02.2021. <https://www.refworld.org/docid/469f38d01a.html>. (In Engl.)
8. Bazarov, B. V., Zhabaeva, L. B. Buryat national democrats and social and political thought of the Mongolian peoples in the first third of the XX century. Ulan-Ude: BNTS SO RAN Publishing House, 2008. (In Rus.)
9. Bartanova, A. A. Formation of the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 1964. (In Rus.)
10. Elaev, A. A. Buryatia: the path to autonomy and statehood. Moscow: Antal, 1994. (In Rus.)
11. National Liberation movement of the Buryat people. Abstracts and materials of reports and reports. Ulan-Ude: B. I., 1989. (In Rus.)
12. Sanzhieva, T. E. Mikhail Nikolaevich Bogdanov: a life given to the people. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing House, 2019. (In Rus.)
13. Shagdurova, I. N. Essays from the development of socio-political thought of the Buryats in the first quarter of the twentieth century. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat University, 1999. (In Rus.)
14. Sabeau D. W. Reflections on Microhistory. Transnationale Geschichte: Themen, Tendenzen, Theorien. Web. 18.02.2021. <https://www.escholarship.org/uc/item/9ch0z6c7>. (In Engl.)
15. Gibson, R. J. The Rush to Meet the Sun: An Essay on Russian Eastward Expansion. Siberica. A Journal of North Pacific Studies. London, no. 1, pp. 68–78, 1990. (In Engl.)
16. Seton-Watson, H. The Russian Empire: 1801–1917. Oxford, Clarendon Press, 1967. (In Engl.)
17. Khaptaev, P. T. A brief outline of the history of the Buryat-Mongolian people. Ulan-Ude: Burghiz, 1942. (In Rus.)
18. Serebrennikov, I. I. Buryats, their economic life and land use. V. 1. Verkhneudinsk: Buryat-Mongolian publishing house, 1925. (In Rus.)
19. Babakov, V. V. Nation-building in Buryatia in 1917–1919. Ulan-Ude: IPK VSGAKI, 2012. (In Rus.)

Received: March 25, 2021; accepted for publication May 5, 2021

Information about author

Sanzhieva Tatyana E., Doctor of History, Professor, Buryat State University; 24a Smolina st., Ulan-Ude, 672000, Russia; e-mail: sanj_te@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2193-094X>.

Reference to the article

Sanzhieva T. E. Problems of Land Tenure and Land Use of the Trans-Baikal Buryats and its Solution by the National Authorities // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 62–70. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-62-70.